

МОРАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ*

И.Л. ФУРМАНОВ, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Белорусского государственного университета

Обсуждается роль вины, стыда и совестливости в моральной регуляции агрессивного поведения. Различия между эмоциями вины и стыда определяются акцентом негативной оценки. Когда люди чувствуют вину, они испытывают болезненные переживания по поводу определенного поведения, по поводу того, что они *сделали*. Когда люди чувствуют стыд, они испытывают болезненные переживания по поводу *себя*. Чувство вины включает ощущение напряженности, желания раскаяния и исправления сделанного, сожаления о неблагоприятном поступке. Чувство стыда включает с себя переживания смущения и позора и желания уйти из вызывающей стыд ситуации. Совесть — это та система моральных ценностей человека, та его часть, которую он ощущает «голосом» моральных ценностей. Отмечается, что вина и стыд регулируют поведение после совершения поступка, а совесть до совершения поступка.

Ключевые слова: моральная регуляция, вина, стыд, совесть, агрессия, первичная и вторичная идентификация.

Важнейшим фактором, оказывающим влияние на характер поведения, являются особенности морального компонента регуляции. Реализация агрессии во многом зависит от силы Сверх-Я. Здесь мы выделяем три компонента, регулирующих проявление агрессивности: «ограничивающее Сверх-Я», которое проявляется как совесть, «укоряющее Сверх-Я» — как чувство вины и «высмеивающее Сверх-Я» — как чувство стыда.

Совесть воздействует на агрессивную мотивацию до совершения поступка. П.Я. Гальперин [2] отмечал, что моральная оценка, производящаяся до совершения поступка, означает задержку импульсивного побуждения и, следовательно, возможность его «запрещения». Чувства вины и стыда корректируют поведение после совершения поступка и связаны с ожиданием наказания за содеянное, сопровождающимся страхом и повышением тревожности, в первом случае, и с переживаниями робости и застенчивости, ощущением бесполезности и желанием избежать вызывающей стыд ситуации. Таким образом, различие между совестью, чувством вины и стыда состоит в том, что первая является «внутренним», обусловленным принципом самоконтроля, а две другие — «внешними», детерминированными принципом реальности, регуляторами агрессии.

Делая такое заключение, мы исходили из того, что названные три компонента Сверх-Я имеют, с нашей точки зрения, различную психологическую этиологию.

Следуя психодинамической традиции, формирование Сверх-Я происходит в рамках Эдипова комплекса: отказываясь от исполнения запретных желаний, ребенок преобразует нагрузку родительских персонажей в (само) отождествление с родителями и интериоризирует запрет [4]. Основой этого процесса, как известно, является идентификация, т.е. уподобление своего Я чужому Я, вследствие чего первое Я в определенных отношениях ведет себя как другое, подражая ему, принимает его в известной степени в себя [8].

Не вызывает сомнения утверждение, что маленький ребенок аморален. У него нет внутренних запретов против стремлений к удовольствию. Роль, которую позднее берет на себя Сверх-Я, исполняется сначала внешней силой, родительским авторитетом. Родительское влияние на ребенка основано на проявлениях знаков любви и угрозах наказания, которые доказывают ребенку утрату любви и сами по себе должны вызывать страх. Этот реальный страх, как мы увидим в дальнейшем, является предшественником более позднего страха совести. Впоследствии, когда содержание уходит внутрь, тогда на место родительской инстанции появляется Сверх-Я, которое точно также наблюдает за Я, руководит им и угрожает ему, как раньше это делали родители в отношении ребенка [8].

Отношения Сверх-Я и Я предполагают не только предписание: «будь таким (как твой родитель)», но и запрет «ты не имеешь права

* Статья поступила в редакцию 10 июня 2010 года.

быть таким (как твой родитель)», «ты не можешь делать все то, что делает он, есть вещи, дозволенные лишь ему одному» [7].

Ориентируясь на стремления Я, Сверх-Я действует в «реалистической» манере, но как независимая инстанция («плохой» внутренний объект, «грубый голос»). По Фрейду, Сверх-Я включает в себя главным образом словесные представления (инструкции, предписания, оценки). Его содержание определяется звуковыми восприятиями, наставлениями, чтением нотаций, а его валентность - качественными характеристиками энергии, «зачерпнутой» из Оно.

Сверх-Я, отмечал З.Фрейд [8], берет на себя власть, работу и даже методы родительской инстанции, является не только ее приемником, но и действительно законным прямым наследником.

По сути, уже само вычленение Сверх-Я, как инстанции критической и карающей по отношению к Я внедряет в психику внутреннее чувство вины: «Чувство вины есть такое восприятие Я, которое принимает критику Сверх-Я» [4]. Чувство стыда возникает тогда, когда Я не принимает критику Сверх-Я, поскольку она обременяется переживаниями презрения и отращения в отношении дефектного Я.

В дальнейшем вычленение чувства вины, стыда и совестливости связано с двумя схожими по механизму, но различны по значимости процессами, которые мы назвали первичной и вторичной идентификацией.

Первичная идентификация. Мы склонны думать, что чувства вины и стыда, формируясь в результате идентификации с родителями в недрах Эдипова комплекса, являются, как правило, бессознательными, поскольку «эдипова» проблематика целиком принадлежит бессознательному.

Возникновение чувств вины и стыда может иметь два источника. Первый возникает из напряжения Оно и Сверх-Я и попытки Я примирить их. Точно также как энергия любви из Оно может обращаться на Я индивида, внушая ему уважение к себе и своим поступкам, так и часть его агрессии обращается внутрь и доставляет энергию для собственного порицания и наказания.

Если поступок ребенка несовместим с поведением, усвоенным как должное в раннем детстве, именно агрессивная энергия Оно высвечивает перед ним порицающие образы родителей. Когда ребенок делает что-нибудь, чего делать не должен, то возникающая при этом

реакция называется виной. Когда у ребенка возникает страх быть осмеянным за свое поведение, появляется стыд. И если даже ребенок не сознает этих вины и стыда, то неудовлетворенное напряжение направленной внутрь агрессии, возникающей от его безнравственного поведения, проявляется в виде потребности в наказании. Чувства вины, стыда и потребность в наказании означают, что образы родителей проявляют активность, угрожая Я ребенка наказанием приблизительно так же, как это делали его подлинные родители [1].

Вторым источником является напряжение, возникающее непосредственно между Я и Сверх-Я, когда Я «дает добро» Оно на проявление и выражение агрессивных влечений. Иными словами, это фактически конфликт между принципом реальности, т.е. несоответствующими условиями среды, и позицией «укоряющего» и высмеивающего Я.

Стыд и вина - это категории «моральных» эмоций, связанных с саморефлексией, самооценкой и самопорицанием. Люди чувствуют стыд, вину, или обе эмоции, когда они терпят неудачу, совершают неблагоприятный поступок, правонарушение или наносят вред другому человеку.

Вопрос различий между этими двумя эмоциями фокусируется на акценте негативной оценки. Когда люди чувствуют вину, они испытывают болезненные переживания по поводу определенного поведения, по поводу того, что они *сделали* («я сделал эту ужасную вещь»). Когда люди чувствуют стыд, они испытывают болезненные переживания по поводу *себя* («я сделал эту ужасную вещь»). Чувство вины включает ощущение напряженности, желания раскаяния и исправления сделанного, сожаления о неблагоприятном поступке. Чувство стыда сопровождается переживаниями смущения и позора и желанием уйти из вызывающей стыд ситуации.

Кроме того, оценивая свои поступки люди, переживающие стыд, в сравнении с людьми, переживающими вину, обращают внимание на различные вещи. Чувствуя вину, люди склонны концентрироваться на эффекте их поступков в отношении других (например, насколько небрежное замечание травмировало другого человека или насколько они разочаровали собственных родителей). Напротив, при чувстве стыда, люди более склонны волноваться о том, как другие могли бы оценить их поведение (например, мог бы друг подумать, что он - «слабак»

или могли бы родители расценить его или ее действия как неблагоприятный проступок).

Как показывают исследования, люди, испытывающие чувство вины часто сообщают о навязчивых мыслях и переживаниях по поводу совершенного проступка и желании что-то исправить в своем поведении [21]. Вина типично мотивирует поведение, направленное на исправление сделанного: признание вины, извинение или устранение вреда, который был причинен.

Таким образом, переживания чувства вины более склонны сохранять люди, конструктивно, проактивно вовлеченные в вызывающую вину ситуацию.

Феноменологические исследования показывают, что стыд часто мотивирует избегание, склонность к защитному поведению и отрицание признания вины, извинение или устранение вреда [22]. Люди, чувствующие стыд, часто, чтобы сообщить о желании бежать от вызывающей стыд ситуации, говорят, что готовы «провалиться под землю» и исчезнуть. Отрицание ответственности (или действий) очевидно. Пристыженные люди мотивированы, чтобы скрыть свои «преступления» и себя от других, чтобы избежать боли стыда. В дополнение к мотивации сепарационного поведения, исследования обнаруживают, что стыд часто приводит к экстернализации обвинений и гнева. При переживании стыда, враждебность первоначально направлена внутрь, к Я. Но поскольку это влечет за собой глобальную негативную самооценку, человек, переживающий стыд, склонен чувствовать себя «загнанным в угол» и «пойманным за руку». И как следствие этого, пристыженный человек начинает защищаться. Один из способов защитить Я и восстановить ощущение контроля, состоит в том, чтобы переадресовать эти враждебность и вину наружу. Вместо того, чтобы принять ответственность за то, что он, например, обидел друга, пристыженный человек начинает придумывать оправдания и отрицать, что он сказал что-нибудь оскорбительное, и даже будет обвинять друга в том, что тот слишком остро отреагировал на его слова или неправильно его понял. По-видимому, не всякий гнев присущ стыду, а только иррациональные ярость и гнев, которые прорываются внезапно и аффективно, и составляют основу чувств стыда.

Таким образом, стыд мотивирует людей к сепарации, дистанцированию, агрессивной защите или возмездию.

Эти различия отчасти объясняются взаимосвязью вины и эмпатии. Межличностная эмпатия предполагает способность стать на позицию другого человека, учитывать перспективы принятия этим человеком и знания о том, что чувствует другой человек. В свою очередь, эмпатия мотивирует просоциальное, помогающее поведение, сдерживает агрессию и является залогом теплых, приносящих пользу отношений. Многочисленные исследования детей, подростков и взрослых показывают, что, склонные к вине люди являются вообще сопереживающими людьми [21]. Напротив, предрасположенность к переживанию стыда связана с неразвитой способностью к эмпатии и склонностью к реакциям дистресса. В самоотчетах, описывая события, вызвавшие вину, люди чаще указывали на большую эмпатию, заботу и участие в отношении жертв их проступков, по сравнению с описаниями событий, вызывающих стыд. Сосредотачиваясь на плохом поведении (в противоположность плохому «Я»), люди, испытывающие вину, относительно свободны от эгоцентрического, связанного с оценкой «Я» стыда. Вместо этого их внимание концентрируется на специфике поведения и его последствиях для потерпевших, облегчая эмпатическую реакцию.

Возможно вследствие взаимосвязи между чувствами вины и эмпатии, склонные к вине люди обладают способностью управлять и выражать свой гнев конструктивным способом. Хотя склонный к вине человек столь же вероятно, как и нормальный человек, может рассердиться, но он будет относиться к проблеме асертивно и невраждебно, используя свой гнев, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Например, разгневанные, склонные к вине люди скорее будут мотивированы, чтобы устранить проблемную ситуацию. Менее вероятно, что они станут агрессивными, а, более вероятно, что станут обсуждать возникшую проблему открыто и рационально. Напротив, люди, склонные чувствовать стыд, защищая «Я» будут более склонны использовать агрессивные и другие деструктивные стратегии для того, чтобы выразить гнев.

Вина полезна и помогает людям избегать нарушений норм и правил и выдерживать моральную стратегию поведения в течение жизни. Например, установлено, что склонные к вине подростки имеют более низкий риск совершения делинквентного поступка, чем менее склонные к вине сверстники. Даже у взрослых в рискованной

ситуации, предрасположенность к переживанию вины, выполняет защитную функцию. В лонгитудном исследовании заключенных было выявлено, что предрасположенность к переживанию вины понижает уровень рецидивизма в течение первого года после освобождения [21].

Склонные к стыду люди, более вероятно, *выскажут упрёки и возмущение* когда их разозлили, но и более вероятно, что они выразят свой гнев разрушительным способом. Например, в исследовании детей, подростков, студентов и взрослых предрасположенность к стыду устойчиво коррелировала со злорадными намерениями, склонностью к прямой физической, вербальной, символической агрессии и косвенной агрессии, а также со смещенной агрессией, аутоагрессий и подавленным гневом [22].

В итоге, вина позволяет людям намного лучше справиться с проблемой, чем стыд. Действительно, проще изменить плохое поведение, чем изменить установку «Я - плохой».

Вторичная идентификация. В процессе развития на Сверх-Я влияют также те лица, которые заместили родителей, т.е. воспитатели, учителя, идеальные примеры. На них общество возложило задачу внедрить в ребенка общеобязательные этические требования и добиться необходимого для общества ограничения влечений [6]. Именно они создают у ребенка сознательный образ того, что хорошо и что плохо. Тем самым, формируя в Сверх-Я императив, который проявляется как совесть. С возрастом Сверх-Я все больше отдаляется от первоначальных индивидуальностей родителей, становясь, так сказать, все более безличным [8].

Как правило, родители и аналогичные им авторитеты в воспитании ребенка следуют предписаниям собственного Сверх-Я. Как бы ни расходилось их Я со Сверх-Я, в воспитании ребенка они строги и взыскательны. Они забыли трудности своего собственного детства, довольны, что могут, наконец, полностью идентифицировать себя со своими родителями, которые в свое время налагали на них тяжелые ограничения. Таким образом, Сверх-Я ребенка строится собственно не по примеру родителей, а по родительскому Сверх-Я. Оно наполняется тем же содержанием, становится носителем традиции, всех тех сохранившихся во времени ценностей, которые передаются из поколения в поколение и продолжают существовать на всем жизненном пути человека через покаяние.

Возникновению чувств вины и стыда способствуют некоторые внутренние активаторы,

действие которых актуализируется при минимально благоприятных социокультурных условиях. В дополнение к естественным активаторам вины каждая культура и каждый социальный институт (семья, религиозная организация и т.д.), связанные с человеческой этикой и моралью, предписывают определенные стандарты поведения, обучая им детей и тем самым формируют совесть. Эти предписания образуют когнитивный компонент совести. Сочетание его с эмоциональным компонентом - чувствами вины и стыда, образует аффективно-когнитивные структуры, обеспечивающие высокое морально-этическое развитие. Эти структуры руководят действиями, которые лежат в основе морального и этического поведения в целом.

Схожая точка зрения, как это ни странно, существует и в рамках бихевиористской традиции. Возникновение и развитие совести рассматривается как результат процессов научения [14; 15]. Когда маленькие дети неоднократно награждаются за хорошие дела и наказываются за плохие, у них формируется представления о правильном или неправильном поведении.

Первое, на что обращается внимание - это образец. Обучение моральным нормам происходит, в основном, через механизмы идентификации и подражания родителям или заменяющим их лицам, на которые влияет степень индивидуальной зависимости и эмоциональная привязанность к другому человеку [3].

Воспитание маленького ребенка любящим и оберегающим родителем развивает у него сильную зависимость. Родитель, тесно связанный с ребенком стремится к ограничению и исключению болезненных и травматических событий и ситуаций, приводящих к депривации или фрустрации потребностей ребенка. Наличие и доступность родителя имеют огромное значение для маленького ребенка, и наоборот, его отсутствие вызывает «тревогу зависимости» - прелюдию к появлению вины.

Воспитание ребенка и сопутствующее ему развитие способности испытывать тревогу зависимости при отсутствии родителей и образует стадию научения вине (в 4-5 летнем возрасте). Слова и действия, такие как «никогда не делай этого больше», «это плохо», «как тебе не стыдно», интерпретируются ребенком как признаки удаления и отдаления и поэтому вызывают тревогу зависимости. После большого числа таких эпизодов ребенок начинает оценивать свое поведение в отсутствие родителей, а через некоторое время - заранее, избегая нарушения норм и,

следовательно, испытывать тревогу зависимости, которая рассматривается как аффективный компонент вины [3].

Поведение взрослых может стать и основанием для возникновения чувства стыда, если дети оценивают его как предательство другими и разрушение доверительных отношений из-за осуждения, порицания или смущения. Было установлено, что родительское отвержение и непринятие, продемонстрированные с помощью презрения, могут вызвать переживания стыда в детях [19]. Ребенок, который действительно уверен, что его родители предпочитают ему, например, другого сиблинга, часто считает, что с ним что-то не так или его посещают сомнения в том, что он когда-то может стать привилегированным ребенком. Стыд также имеет место, когда родитель завышает «планку» стандартов поведения и выражает гнев или осуждение, если ребенок не отвечает его требованиям или ожиданиям [13]. Также может встречаться эмпатический стыд, когда ребенок интернализует смущение и реакции стыда родителей или других людей [16].

Поведение сверстников также может стать причиной возникновения стыда, так как самооценка, идентичность или чувство самости ребенка зависит от других детей [12]. Когда ребенка дразнят, высмеивают, осаждают и подвергают вербальной агрессии или преследованию, он часто интернализует эти слова и действия или, наоборот, начинает избегать других детей, не вступая с ними в коммуникацию. [20]. У большинства детей нет опыта или знаний, чтобы справиться с разрушительным воздействием, вызывающих отвращение ярлыков, наклеенных на них сверстниками. Детские переживания неуважения и формируют негативное мнение о себе, которое вызывает глубокий стыд. Ребенок совладевает с тревожащим его высмеиванием, защищаясь или смиряясь с ярлыком и реагируя беспомощностью и депрессией. Это, возникшее в детстве чувство стыда, может проявляться во взрослом возрасте в суженом чувстве самости.

Вторым очень важным моментом является модель подкрепления. Психологические (ориентированные на любовь) методы дисциплинарного воздействия обладают большей силой в тренировке чувства вины, чем физические наказания [18]. Однако, они будут работать, лишь, если заложена основа воспитания и продолжают аффективные, эмоционально близкие взаимоотношения между родителем и ребенком.

Стыд может быть возникнуть, когда родители используют наказание или карательные меры за проступки ребенка и его смущение, обусловленное чрезмерной чувствительностью, впечатлительностью, тревогой, плаксивостью или ранимостью [13]. Осуждение, недоброе подшучивание и осмеяние способствуют подкреплению «стыдливой» Я-концепции ребенка. Строгая родительская дисциплина, основанная на авторитарных и силовых методах воспитания, прививает ребенку неуверенность в себе. Основная психологическая травма от телесных наказаний и физического насилия состоит в формировании у ребенка точки зрения и переживаний низкой самооценности [16].

Таким образом, в теории социального научения считается, что идентификация с добрыми и благосклонными родителями, которые используют ориентированные на любовь методы дисциплины способствуют достижению моральной зрелости. Кроме того, доказано, что проявление любви исключительно эффективно в моральном воспитании, а физические наказания более часто применялись родителями подростков, ставших впоследствии правонарушителями.

Нашими исследованиями [9, 10] определено, что различные виды нарушений поведения обнаруживаются у трех категорий детей, имеющих специфические особенности механизма-нравственной регуляции. Первая - это дети, не имеющие собственных устойчивых моральных принципов, этических стандартов поведения и нравственных ограничителей агрессивного поведения. У них фактически отсутствуют внутренние регуляторы их поведения и они не испытывают вины и стыда за совершенный проступок. Вторая категория - это дети, имеющие конфликтные взаимоотношения между внутренними и внешними регуляторами поведения, а именно их отличает несформированность моральных норм, но они вынуждены подчиняться требованиям окружающих. Основным фактором, сдерживающим их агрессивность, является страх наказания (высокое чувство вины). Тем самым, для них характерен постоянный конфликт между совестью и чувством вины, который приводит к усилению негативных эмоциональных состояний. Третья - это дети более зрелые в нравственном плане, однако для них характерен конфликт между собственными нормами поведения и чрезмерно завышенными морально-этическими стандартами окружающих или

неприемлемыми конвенциональными нормами. В связи с этим, как отсутствие внутренних моральных оценочных критериев, так и неадекватные (завышенные/заниженные) нравственному развитию ребенка требования со стороны окружающих приводят к возникновению различных видов нарушений поведения.

Таким образом, высокая предрасположенность к агрессивному поведению наблюдается у детей, особенно подросткового возраста, имеющих слабые Сверх-Я и Я. Поэтому аффект гнева, не встречая на своем пути серьезных ограничений, реализуется непосредственно в агрессивном поведении. Здесь можно согласиться с мнением М. Шеера [17], что возникновение гнева, заполняя все чувства субъекта, затушевывает не только значимость нормативных ценностей в саморегуляции действий, но нарушает и интеллектуальные процессы и, тем самым, сводит на нет их влияние. При этом естественно, что предпочтение будет отдаваться физической форме выражения агрессии.

В другом случае поведение регулируется сильными «укоряющим Сверх-Я» и «высмеивающим Сверх-Я», которые является для слабого Я экстераризованным представителем моральности. Поэтому мотив торможения агрессии возникает в результате простого подчинения Я более сильному Сверх-Я. Ограничение выражения агрессии связано с ожиданием негативных последствий агрессии, страхом наказания или угрозой самости, а после совершения поступка — чувствами вины и стыда. Вероятно, именно на этом основании А. Фрейд считала, что ребенок имеет двойную мораль: одну предназначенную для мира взрослых, и другую — для себя и своих сверстников [6]. В рамках рассматриваемого случая могут наблюдаться различные варианты как непрямого выражения физической или вербальной агрессии, так и косвенной агрессии или активного негативизма.

Кроме того, сильное Я может протестовать против насильственной интервенции, «оккупации» [1] со стороны Сверх-Я. Это приводит к конфликту между собственными нормативными, чаще всего бессознательными, ценностями и значимыми конвенциональными (родительскими, семейными, общественными и др.) нормами, представленными в Я. В том случае, когда Сверх-Я доминирует, сильный мотив торможения может приводить как к подавлению агрессивного компонента в случае возникновения чувства вины и полному отказу от соответствующего поведения,

так и к формированию устойчивых реакций косвенной агрессии, пассивного негативизма — в случае возникновения чувства стыда.

Выводы. Обобщив теоретические воззрения обеих названных психологических школ, а также данные собственных исследований можно четко развести понятия «чувство вины», «чувство стыда» и «совестливость».

Чувством вины следует считать ощущение своей виновности, которое нельзя объяснить с позиции нарушения сознательных ценностей человека, опосредованное интериаризованным и, в большинстве, бессознательным конфликтом между ребенком и его родителями.

Чувство вины обозначает аффективное состояние, возникающее вслед за нарушением морального предписания, после совершения действия, которое субъект считает предосудительным по тем или иным причинам, или же неясное чувство собственного ничтожества, не связанное с каким-либо конкретным поступком, вызывающим раскаяние субъекта [4]. В связи с этим вина может возникать как от свершения или от реальных чувств, мыслей или действий, нарушающих моральные стандарты, так и от упущения, от невозможности поступить определенным образом.

На чувство вины оказывает прямое влияние степень выраженности агрессивных чувств индивида, которое он направляет на самого себя в моральном осуждении [5]. Чувство вины мотивирует такие реакции как раскаяние, признание вины, извинение или устранение вреда.

Чувство стыда можно охарактеризовать как аффективное состояние, возникающее вслед за нарушением морального предписания, после совершения действия, которое субъект переживает в виде неясного чувства собственного ничтожества.

Стыд — это основанные на страхе убеждения в собственной непривлекательности, неприятности и недостойности любви. Переживания несоответствия, униженности, обиды, позорности являются прямой угрозой самости и идентичности. В этом случае могут использоваться различные мотивационные стратегии: а) аутоагрессия в случае осуждения себя; б) агрессия в отношении других, чтобы устранить источник угрозы самооценке; в) бегство, чтобы скрыть свою «испорченную» самость.

Совестливость — это та система моральных ценностей человека, та его часть, которую он ощущает «голосом» моральных ценностей.

Строго говоря, термин относится только к сознательным ценностям и к сознательным "«тихим, слабым голосам», и его не следует путать с бессознательной частью Сверх-Я, содержащей повеления, под которыми Я индивида сознательно не подпишется и с которыми может никогда не согласиться. Высокий уровень совестливости положительно коррелирует с хорошей адаптацией в социальной среде [11] и может определяться по устойчивости к соблазну. Аффективную основу совестливости, на наш взгляд, составляет сигнальная тревога, которая представляет собой сторожевой механизм, предупреждающий Я о предстоящих неприятностях и надвигающейся угрозе его равновесию.

Чувства вины, стыда и совестливость могут находиться в достаточно сложных взаимоотношениях, т.к. сознательное, с одной стороны, и витесненное, бессознательное - с другой, по мнению З. Фрейда, «ни в коем случае не совпадают» [8]. Во-вторых, элементы бессознательного и исходящие от него указания и запреты, которые происходят из прошлой жизни субъекта, могут быть в конфликте с ценностями настоящего.

Таким образом, моральная регуляция предполагает сочетание устойчивости к искушению, подчинение самоинструкции и способности испытывать раскаяние. Устойчивость к искушению есть функция-сбучения поведению избегания, самоинструкция подчиняться моральным принципам - функция подражания родителям [3], а способность испытывать раскаяние - функция негативного подкрепления (по ассоциации со страхом наказания, либо тревогой, ожиданием возмездия в будущем). Исходя из этого, в качестве критериев эффективной моральной регуляции, пожалуй, можно выделить следующие индикаторы: а) принятие моральных ценностей; б) усвоение чувства моральной обязанности и верности этим ценностям; в) достаточная способность к самокритике для восприятия противоречий между реальным поведением и принятыми ценностями [3].

Закljučить статью можно перифразом слов З. Фрейда, что о механизмах моральной регуляции мы не можем рассказать читателям как хотелось бы полно, отчасти потому, что эти процессы очень запутаны. С другой стороны, мы сами не уверены, что поняли их до конца. Поэтому придется довольствоваться теми объяснениями, которые были даны в настоящей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берн, Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных / Э. Берн. - СПб., 1991.
2. Гальперин, П.Я. К вопросу об инстинктах человека / П.Я. Гальперин // Вопр. психологии.- 1976.- 1.- С. 29.
3. Изард, К. Эмоции человека / К. Изард. - М., 1980.
4. Лапланш, Ж. Словарь по психоанализу / Ж. Лапланш.-Б. Понталис,- М., 1996.
5. Райкрофт, Ч. Критический словарь психоанализа / Ч. Райкрофт.- СПб., 1995. - С. 56.
6. Фрейд, А. Введение в детский психоанализ / А. Фрейд,- М., 1999.
7. Фрейд, З. Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд.-М., 1989.
8. Фрейд, З. Я и Оно / З. Фрейд.- Тбилиси, 1991. - С. 375.
9. Фурманов, И.А. Психологические основы диагностики и коррекции нарушений поведения у детей подросткового и юношеского возраста / И.А. Фурманов. - Минск, 1997.
- Ю.Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. - СПб., 2007.
- П.Льопзоп, К.С. Кезлзпапсе то тетрлатюп^шт (Ыло\ут§ улеЙП§ апй рзуспоратпало§у / К.С. ЛоНзоп et al. // Лоиппал о\ СопзиШп§ гз\А Сл\скал Рзусьоб^у-1968.- 32.- Р. 169-175.
12. Беулз, Н.В. ЗЪате апс! §шт т пейгозлз / Н.В. Бедаз.- ЧечуУогк, 1971.
13. Бе\аз, Н.В. ЗЪате апс!тле пагазл8Тлс регзопанту / Н.В. Бе\пз. лп Т).Б. Катъапзоп (ЕсТ), ТНе тапу [асез о! зЪате.- №\У Уогк, 1987.- Р. 93-132.
14. Мо\уег, О.Н. Беагпд теоры апа БеБахлог / О.Н. Мо\уег,- Блеу Уогк, 1969^^ 45-63.
15. Мо\уег, О.Н. РзусьотНегару апс! Ше ргоБлет о! ^и^1^,сопп-е5^оп,апс! ехрлатюп / О.Н. Мотег // Сигпепт тгепаз т рзусьоб^у.- Уол. X.- Ритзбиг^Б, 1960.- Р. 17-26.
16. Кетгт§ег, 5.М. Уюлеп етопюпз / 5.М. Кетгт^ег-Блешыгу Рагк, СА, 1991.
17. Снегер, М.Р. Се11—ауагелез, зеН-сопзсюизпезз, апа^ ап^гу а§§гезюп / М.Р. Зспеег // Лоиппал о\ Регзопанту,- 1976,- 44.- Р. 23-36.
18. Зеарз, К. Раттепз о! СЫа Кеапп^ / К. Зеарз, Е. Массобу, Н. Беуш.- Еуапзтоп, 1957.- Р. 484-486.
19. Тап§пеу, Л.Р. Аззеззш^ лпал\слнал шИегепсез т ргопелез то зпате апа §ш1:: Оеуелортеп оГ Пзе зеН-сопзсюиз аГТег апс! атпбьтоп туетптоу / Л.Р. Тап§пеу // Лоиппал о? Регзопанту апс! Соаал РзусНоло§у. - 1990. - 59 - Р. 102-111.
20. Тапдпеу, Л.Р. Тье тез! о! зеН-сопзсюиб а!лест (Т05СА-3) / Л.Р. Тапдпеу, К.Б. Оеапп§, Р.Е. Ша§пег. К. Огаггош. - РаИах, УА, 2000.
21. Тапдпеу, Л.Р. ОиПг / Л.Р. Тап^пеу // ЕпсуслорасНа о{ Соаал Рзусьоло§у. 2007. 5АОЕ РибПсапз. 26 5ер. 2009. <Бттр://за^е-еге{егепсе.сот / Соаалрзусолоду/Агт\сле_п245.пт1>.
22. Тап^пеу, Л.Р. ЗЪате / Л.Р. Тап§пеу // ЕпсуслорасНа о{ Соаал Рзусьолоду. 2007. 5АОЕ РибПсапз. 26 5ер. 2009. <Бттр://за§е-еге{егепсе.сот / Соаалрзусьолоду/Агт\сле_п514.пт1>.